

И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся Зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

Откровение Иоанна Богослова (14:11)

ГЛУПЦЫ ИДУТ
НА НЕБЕСА

Ибо что пользы человеку приобрести
весь мир, а себя самого погубить или повре-
дить себе?

Евангелие от Луки (9:25)

Злой разбойник орал, как Богом проклятый (впрочем, как бы ему еще орать-то?), пока легионеры прибивали его руки к распятию. Добрый разбойник кричать не мог, ибо еще до представления ему вырвали язык и зашили рот. Иисус высился над ними, глядя поверх голов страдающим взглядом, и на его лице отражалась мука.

Тем временем легионер в последний раз стукнул молотком по железному гвоздю, а распятие со злым разбойником подняли на веревке и поставили вертикально. Женщина подле меня громко охнула, ее сынок поглядывал на происходившее с пальцем во рту и вылупив глазенки.

Поскольку злой разбойник не прекращал орать (а это могло испортить все представление), легионер ткнул его копьём под сердце. Распятый выгнулся, потом обмяк, а голова его опала на плечо. Из рта полилась темно-красная густая струйка крови.

Теперь настало время Иисуса. Игравший его актер (в этом случае гвозди вбили меж пальцами, в пузыри со свиной кровью) повел взглядом и громко сказал:

Яцек Пекара. МЕЧ АНГЕЛОВ

— Склонитесь пред Отцом и уверуйте в меня. Кто доверится мне, еще нынче будет вкушать Славу Божью!

— Вкушать Славу? — с явным неодобрением пробормотал кто-то рядом со мной. — Мечом Господа клянусь, из года в год все слабее и слабее!

Я повернулся, чтобы взглянуть, кто решился на столь смелые слова, и увидел мастера Риттера — поэта, драматурга и актера. Должно быть, он сердился, что вертеп поручили готовить не ему, ведь с такими представлениями рука об руку ходят немалые деньги. Мастер же Риттер, как и большинство людей творческих, страдал от хронической нехватки звонкой монеты.

В чем, вне всякого сомнения, был подобен вашему нижайшему слуге.

— Видимо, вы пишете похуже, — с издевкой шепнул я и дал ему знак не мешать.

— Отрекитесь от Сатаны! — надсаживался актер, игравший Иисуса. — Се говорю вам: пришел час, когда следует вам сделать выбор. Милосердный Господь глаголет моими устами: покоритесь Славе Божьей!

Один из легионеров присел под распятием и вытащил баклагу с вином, второй, примерившись, ударил Христа тупым концом копья. Толпа взывала с ненавистью, а в голову легионера ударило гнилое яблоко. Он обернулся в ярости, отыскивая взглядом того, кто это сделал. Но не увидел, а потому лишь

ГЛУПЦЫ ИДУТ НА НЕБЕСА

сплюнул под ноги и отошел на пару шагов в сторону, чтобы распятие с висящим на нем Иисусом прикрывало его от возможных бросков.

— Это что, трагедия или комедия? — снова услышал я саркастический шепот Риттера.

Он кривил губы в презрительной гримасе, дергая за узкую черную бородку, которую пестовал с недавнего времени: придавала она ему вид обиженного козлика.

Тем временем Иисус печально склонил голову.

— Не покорились вы пред Господом, — сказал будто себе самому, но слова его эхом разнеслись окрест: зрители как раз замолчали, зная, что близится кульминация. — Остались преисполнены гордыней, презрением и равнодушием. И что же мне делать? — Актер повел взглядом по публике, словно ожидая, что та ему посоветует.

— Покарай их! — крикнул кто-то из подсадных, и толпа сразу же принялась вторить ему.

— Сойди к нам, Иисусе! Покарай грешников!

— Может, мне следует проявить милосердие? — спросил актер в пространство.

— Нет! Нет! Хватит милосердия! Покарай их!

— Да! — произнес Иисус громким голосом. — Ибо разве не милосердно убить бешеного пса? Разве не уберезет се верную паству? Разве добрый пастырь позволяет, чтобы стадо его дрожало в ужасе пред тварью?

— Нет, не позволяет! Сойди и покарай их! Убей Зверя!

Яцек Пекара. МЕЧ АНГЕЛОВ

— Да будет так! — крикнул актер, и за его спиной разлилось сияние и раздались громы.

С потолка упало ослепительно белое покрывало, закрывшее распятие. И почти сразу вознеслось обратно, вот только Иисус теперь стоял в сиянии доспехов, в шлеме с широким наносником и с мечом в руке. С плеч его волнами ниспадали вышитые золотыми нитями пурпурные одежды.

— Подменили актера, — пробормотал Риттер — и совершенно впустую, поскольку я и сам знал, что первый актер не сумел бы переодеться столь проворно.

Но публика не могла взять в толк, что произошла замена, поскольку шлем со стрелкой не позволял как следует рассмотреть черты лица.

Легионеры вскочили в притворном ужасе, который немедленно превратился в настоящий — когда Иисус ударил мечом и отрубил голову одному из них, да так, что кровь фонтаном хлестнула из тела на публику, а голова откатилась на край сцены. Конечно, ужас охватил лишь второго легионера: первый-то погиб, не успев понять, что представление приобрело неожиданный поворот. Мужчина пытался заслониться копьем, но меч Иисуса перерубил древко, а потом клинок почти по рукоять вошел в грудь жертвы. Легионер упал на колени с выражением гротескного удивления на лице, а публика верещала и хлопала в ладоши. Седой, похожий на селянина мужчина, стоявший сразу передо мной, отер с усов капли крови.

ГЛУПЦЫ ИДУТ НА НЕБЕСА

Он глядел на сцену, выкатив глаза, и что-то бормотал едва слышно.

— Ну-ну, — сказал мастер Риттер, на этот раз с ноткой невольного удивления.

Признаюсь, развитие ситуации застало врасплох и меня, поскольку вертепные представления обычно не обретали столь драматичных форм. Конечно, злого и доброго разбойников всегда распинали по-настоящему, но людей на эту роль выбирали из преступников, приговоренных к смерти городским судом. Однако я впервые видел, чтобы на сцене убивали легионеров: второй из игравших Иисуса актеров должен был прекрасно фехтовать, поскольку рубил с умением, заметным невооруженному глазу. Публика была в восторге, я же задался вопросом, не придет ли вскоре в голову творцам действия напустить вооруженных Иисуса и Апостолов на толпу зевак. В конце концов, Писание говорит вполне определенно: «в день тот улицы Иерусалима залиты были кровью». И вот мне думается: не познают ли благодаря фантазиям авторов жители Хез-хезрона древние времена куда лучше, чем им хотелось бы.

Представление, по сути, закончилось: игравший Иисуса актер возвышенным тоном цитировал Святое Писание. К плечам его сумели прицепить золотистый ореол, под потолком же на веревках парило нечто белое и крылатое, долженствующее, согласно замыслу создателей, символизировать ангела. Мне лишь оставалось надеяться, что мой Ангел этого не видит: Его

Яцек Пекара. МЕЧ АНГЕЛОВ

сильно раздражали изображения Ему подобных, вдобавок же Он любил, когда Ему оказывали уважение.

— Пойдем, — вздохнул я, взял Риттера за плечо, и мы стали проталкиваться сквозь толпу.

Кто-то обругал меня, что, мол, мешаю смотреть представление, кто-то обдал запахом лука и пива, еще один — воткнул локоть под ребра. Я сносил все смиренно, хоть и сожалел, что не в служебном платье — не в черном плаще и не в кафтане с вышитым на груди сломанным распятием. Ведь, как я не единожды замечал, люди обретают невероятную способность сливаться с окружающим, едва узрев инквизитора. И тогда даже запруженные толпами горожан хезские улицы делаются на удивление пустынными.

Но мы — функционеры Святого Официума — суть люди тихие и сердцем смиренные. Предпочитаем держаться в тени, чтоб оттуда внимательно следить за грешными поступками ближних. Так уж оно бывает, что из тени проще заметить тьму, а свет лишь ослепляет.

Наконец нам с Риттером удалось выбраться на улицу. Пригревало яркое апрельское солнышко, и в этой первой весенней жаре куда как отчетливо чувствовался Хез-хезрон. Обьедки, что скапливаются в переулках, нечистоты, что льются по улицам или засыхают твердой коркой (которую, впрочем, размочет первый же дождь). Грязные потные люди, что никогда не вспоминают о бане и никогда не стирают одежду. Ну и, конечно же, к сердечной болезни ваше-

го нижайшего слуги, я оставался одним из немногих, кому все это было ненавистно. Однако именно таков Хез-хезрон, и мне приходилось мириться с тем фактом, что — в горести и в радости — судьба моя была с ним тесно связана.

— Вы снова отказали моей пьесе, — сказал мастер Риттер обвиняющим, но и слегка плаксивым тоном.

— Не мы, но канцелярия епископа, — пояснил я, одновременно обходя пьяницу, который едва не упал мне в объятия. — Вы ведь знаете, что Инквизиториум редко занимается делами, связанными с деликатной материей высокого искусства.

— Да не все ли равно? — махнул он рукой. — Знаете, сколько я потерял?

— А отчего же вы не пишете комедий? — спросил я и отбросил руку карманника, который пытался ощупать пояс Риттера. — Займитесь светлыми сторонами жизни.

Две толстые торговки ссорились у прилавков, одна пыталась огреть вторую по голове чугунной сковородой, но поскользнулась на куче гнилых капустных листьев и упала навзничь, высоко задрав юбки. Мелькнули толстые ляжки с багряными цветочками расцарапанных прыщей.

— Вот, например, — кивнул я. — «Веселые торговки из Хеза». Готовый сюжет для пьесы.

— Все шутите. — Он глянул на меня несколько хмуро, а его бледные небритые щеки покрылись кирпичным румянцем.